

© 2012 г. Ю.А. Петрова

УДК 101

МОЛОДЕЖНЫЙ ЖАРГОН: ИНФОРМАЦИОННО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

К проблеме исследования молодежной субкультуры обращаются представители различных научных направлений. В западной философии интерес к молодежной культуре был связан с революционными настроениями 60-х гг. XX в., хотя исследования этого феномена начались еще в первой половине XX в. Российские научные исследования молодежи как особого субъекта культурного творчества стали появляться только в 80-х гг. XX в. и были посвящены описанию внешних проявлений молодежной субкультуры, хотя и предпринимались попытки выявить причины возникновения этого явления. Конец XX – начало XXI в. ознаменовались поворотом к теоретическому осмыслению феномена молодежной субкультуры (Щепанская Т.Б., Петров Д.В., Запесоцкий А.С., Левикова С.И. и др). Особый интерес в этом контексте приобретает исследование языка молодежи, который чаще всего определяется как молодежный жаргон.

В рамках когнитивно-культурологической парадигмы молодежный жаргон рассматривается как «некодифицированная страта современного национального языка», которая отражает картину мира молодежи конца XX – начала XXI в., т.е. определяется как этнический субъязык современной молодежи. В становлении и развитии русского молодежного жаргона выделяются четыре периода: 1) 20-е гг. XX в. – заметное влияние на разговорную речь оказал язык заключенных и беспризорников; 2) 50-60-е годы XX в. – время «стиляг» и хиппи с их особым мировоззрением, стилем жизни и общения; 3) 70–80-е гг. XX в. – появление неформальных молодежных групп, речь которых насыщена заимствованиями (*адидасы, суперстар, транс*); 4) современный этап в развитии молодежного жаргона отличается от предыдущих составом лексики, которая активно пополняется за счет собственного словотворчества на основе спортивного, музыкального,

рекламного, телевизионного, компьютерного жаргонов; заимствований из других языков («англицизмы»), диалектных и просторечных слов своего языка, жаргона наркоманов и тюремно-лагерного арг [1, с.11-12].

С нашей точки зрения особый интерес для изучения молодежной субкультуры в контексте ее языковых проявлений представляет информационно-семиотический подход Ю.М. Лотмана, в рамках которого взаимодействие человека с окружающей средой рассматривается как получение и дешифровка определенной информации, для понимания и передачи которой нужен язык. В семиотическом смысле язык – это «любая упорядоченная система, служащая средством коммуникации и пользующаяся знаками» [2, с. 21]. Такой подход позволяет включить в понятие языка вторичные моделирующие системы – «коммуникационные структуры, надстраивающиеся над естественно-языковым уровнем», которые строятся *по типу языка*, оказывающего самой своей структурой «мощное воздействие на психику людей и многие стороны социальной жизни» [2, с. 22]. Отождествляя сознание человека с языковым сознанием, Лотман делает вывод о том, что все виды «надстроенных над сознанием моделей» могут рассматриваться как вторичные моделирующие системы. Следовательно, субязык можно рассматривать как особое средство коммуникации, особым образом организованный язык, а сообщения на этом языке – в качестве текстов. Причем язык в целом не может иметь оценочных характеристик, ценностью обладает передаваемая на языке информация [2, с. 28].

Понятие знака и знаковой системы неразрывно связано с проблемой значения. Знак выполняет в культуре функцию посредника, передавая определенное содержание. Любой язык пользуется знаками, имеет правила сочетания этих знаков, представляет собой определенную структуру, которой свойственна иерархичность. Следовательно, необходимо выделить в субязыке то, что сближает его с любым языком, и в то же время, выделить то, что присуще ему как особому языку и отличает от других систем этого типа, т.е. для того чтобы утверждать, что у молодежной субкультуры есть свой язык, не совпадающий с ее естественным национальным языком, а надстраивающийся над ним, необходимо показать, что субкультура имеет «свою, только ей присущую систему знаков и правил их соединения, которые служат для передачи особых, иными средствами не передаваемых сообщений» [2, с. 32].

В естественных языках сравнительно легко выделяются знаки и правила их сочетания (синтагматика), знаки разделяются на план содержания и выражения, между которыми существует отношение исторической конвенциональности. Если говорить о молодежном субъязыке, то по утверждению исследователей: *молодежный сленг* – это «присущий данному кругу молодых людей или отдельной молодежной субкультуре определенный набор лексики, используемый в основном общении со сверстниками, являющийся одновременно кодом для вхождения в данную субкультуру и маркером, определяющим отношение молодых людей к этой субкультуре», причем «изменения в молодежном сленге происходят в его лексическом составе, и почти нетронутыми остаются грамматика и способы образования новых лексических единиц» [3]. Следовательно, определяющим в молодежном социолекте становится наличие определенных знаков, в то время как синтагматические связи указывают, скорее, на принадлежность к доминирующей национальной культуре.

Абсолютное большинство слов в молодежном жаргоне выражают эмоции молодых людей, их оценку предметов и явлений действительности: *молодежные жаргонизмы* – это в большинстве своем «эмоционально-оценочные экспрессивные слова и выражения, по преимуществу негативные, снижающие стиль номинации, выходящие за рамки литературного языка» [1, с. 14]. И в этом смысле знаки молодежного сленга носят не столько условный, как в языке, сколько иконический характер, т.е. построены «по принципу обусловленной связи между выражением и содержанием», поэтому происходит «семантизация внесемантических (синтаксических) элементов естественного языка» [2, с.33], что наглядно проявляется в элементах языковой игры. Причем основными способами образования новых лексических единиц являются не только «заимствования из других языков (американизмы); метафоризации различного порядка (перенос значений); аббревиации (усечение слов)», но и «аффиксальные способы (прибавление приставок и суффиксов к корню слова); фразеология (устойчивые выражения в языке); метатеза (переставление букв или слогов в слове)» [3], т.е. синтагматика молодежного социолекта проявляется на уровне языка, но отсутствует на уровне сообщения (использует общеязыковую синтагматику). Поэтому тексты (сообщения), создаваемые в рамках молодежной

субкультуры, могут быть прочитаны как «некоторая образованная по правилам естественного языка цепочка знаков, как последовательность знаков более крупных, чем членение текста на слова, вплоть до превращения текста в единый знак» [2, с.34].

Ю.М. Лотман отмечает, что «сложность структуры находится в прямо пропорциональной зависимости от сложности передаваемой информации» [4, с. 23], т.е. усложненная структура, создаваемая из материала языка, позволяет передавать такой объем информации, который совершенно недоступен для передачи средствами собственно языковой структуры, т.е. данная информация не может ни существовать, ни быть передана вне данной структуры: «дуализм формы и содержания должен быть заменен понятием идеи, реализующей себя в адекватной структуре и не существующей вне этой структуры» [4, с. 24]. Таким образом, если рассматривать молодежный субъязык как вторичную моделирующую систему, то с его помощью передается настолько значимая для данного культурного сообщества информация, что никаким другим образом она «не может ни существовать, ни быть передана», т.к. измененная структура донесет до адресата иную идею.

Язык отмечен высокой социальной активностью, при этом для коммуникации и передачи информации необходим код, который устанавливает отношение между знаками, определяя структуру языка [5, с. 66], т.е. является системно-нормативным элементом. По отношению к физическим носителям значений код выступает как идеальная структура, в сложной форме копирующая представления сознания о связях явлений жизни, следовательно, структура языка, являясь результатом человеческой интеллектуальной деятельности и пытаясь «систематизировать знаки кода и сделать их пригодными для передачи информации», вместе с тем «копирует представления человека о существующих в объективном мире связях» [5, с. 68]. Вербальный язык представляет собой семиотическую систему, которая находится в постоянном изменении – объем, характер передаваемой информации, сама структура кода постоянно видоизменяются, причем «происходит непрерывное стихийное усложнение существующей системы» [5, с. 69], т.к. в структуре языка также конденсируются «итоги многовековой деятельности человека, направленной на познание жизни» [5, с. 68]. Следовательно, язык включает в себе не только код (системно-нормативный

элемент), но и историю кода, причем «исторически сложившаяся языковая структура оказывается неразрывно связанной с национальным историко-психическим складом народа» [5, с. 69]. Все это позволяет рассматривать язык как «гибкую» систему, следующую за диалектикой жизни: язык представляет собой «сложно опосредованную копию действительности» [5, с. 70].

Таким образом, любой язык, в том числе и язык вторичной моделирующей системы, является определенной моделью мира и в этом смысле всей своей структурой несет информацию, поэтому информация, заключающаяся в выборе типа языка, представляется архиважной [2]. Если речь идет о субъязыке, который, очевидно, входит в сложную иерархию культурных языков данной эпохи или данного народа, то выбор стиля сообщения, т.е. языка, несет важную информацию о картине мира той социокультурной общности, к которой принадлежит данное сообщение. При этом прагматика сообщения включает не только определенную структуру мира, создаваемую языком, но и точку зрения наблюдателя.

Сложность выявления сущности модели мира, создаваемой языком, Ю.М. Лотман видит в ситуации ограниченного выбора языковых средств: «там, где существует лишь один возможный язык, не возникает проблемы соответствия – несоответствия его моделирующей сущности авторской модели мира. Моделирующая система языка в этом случае не обнажена. Чем больше потенциальная возможность выбора, тем более информации несет в себе сама структура языка и тем резче обнажается соотнесенность ее с той или иной моделью мира» [2, с. 31]. Именно поэтому для исследования субъязыковых феноменов в контексте их моделирующих реальность возможностей необходимо привлечение других языков. Как отмечают исследователи, субъязык молодежи не просто моделируется по типу естественного языка, он «представляет собой только лексикон, «паразитирующий» на фонетической и грамматической основе общенационального языка этнической культуры, поэтому его можно исследовать посредством сравнения с литературным языком» [3], что является не столько возможностью, сколько необходимостью для выявления его моделирующего потенциала.

В контексте информационно-семиотического подхода культура рассматривается не только с точки зрения содержательной информации, но и с точки зрения системы социальных кодов, которые, будучи связанными с

основными формами общественного самосознания, организации коллектива и самоорганизации личности, позволяют эту информацию выражать в определенных знаках. Если культура функционирует как знаковая система, рассматривающая реальный мир в качестве текста, требующего расшифровки, то для ее исследования следует рассмотреть способы моделирования мира посредством языка. И в этом контексте особый интерес представляет коннотативная семиотика Р. Барта, принципы которой были им разработаны для исследования феномена идеологии как особой «картины мира», которая «истолковывает» действительность не с целью ее объективного познания, а с целью сублимирующего оправдания тех или иных групповых интересов, т.е. идеология в его концепции предстает как коллективно вырабатываемая ценностно-смысловая сетка, помещенная между индивидом и миром и опосредующая его отношение к этому миру [6, с. 10].

Р. Барт интерпретировал явление идеологии в контексте семиологического подхода, рассмотрев ее как особое знаковое образование и связав с феноменом коннотации. Современная семиотика выделяет в языке денотативный [7, с. 17] и коннотативный (любая дополнительная смысловая информация) планы содержания. Например, «квартира» и «флэт» с денотативной точки зрения тождественны, однако выражение «флэт», отнесенное к квартире, указывает еще и на стилистический признак принадлежности к молодежной жаргонной речи, т.е. целостный денотативный знак (означающее + означаемое) служит *означающим* для собственно коннотативного *означаемого* («молодежный социолект»). Более сложный случай взаимодействия денотативной и коннотативной информации Р. Барт рассматривает в статье «Риторика образа», когда коннотативные означающие принадлежат денотативному плану языка, но не совпадают с означающими единицами денотативной системы, а коннотативные *означаемые* возникают не в результате прямой номинации, а в результате суггестивного процесса. В молодежном сленге наблюдается похожие процессы: *этикетка* = этикет + (девуш)ка, *сексодром* = секс + (аэро)дром, *белокурва* = бело(курая) + курва [1, с.14].

Согласно концепции Р. Барта, *коннотативный знак* всегда «встроен» в денотативный знак и на нем «паразитирует»: «коннотативная система есть система, план выражения которой сам является знаковой системой» [8, с. 299]; *коннотативные смыслы* характеризуют либо сам денотат, либо

выражают отношение субъекта речи к ее предмету, раскрывают коммуникативную ситуацию и т.п.; *денотативные значения* даются в явной форме, *коннотативные* относятся к области «вторичных смысловых эффектов», *коннотативные смыслы* суггестивны, неопределенны, расплывчаты, их интерпретация предполагает значительную долю субъективности [6, с. 12]. В этом контексте язык субкультуры может быть рассмотрен как коннотативная семиотика (с целью выявления ценностно-смысловых аспектов молодежной субкультуры).

Выделяя в языке или дискурсе коннотативные означаемые, Р. Барт связывает их с идеологией: «Область, общая для коннотативных означаемых, есть область *идеологии*» [4, с.316], причем в реальной практике языкового общения денотативный уровень всегда идеологизирован, хотя и стремится скрыть это, выдавая себя за нечто «естественное» [4, с.308-309]. Но более важным является то, что коннотативные системы, пользуясь своей «встроенностью» в денотативные высказывания, начинают мимикрировать под них, благодаря чему, идеология как бы «натурализуется», становится «естественной»: «система коннотативного сообщения натурализуется именно с помощью синтагмы денотативного сообщения» [4, с. 318]. Однако денотация также имеет коннотативную природу, но имеет ее как бы «в последнюю очередь», ведь идеология здесь всеми доступными ей средствами «натурализуется». По сути, Р. Барт исследовал «ответственность формы» за передачу идеологических содержаний [9, с.46].

Принципы коннотативной семиотики Р. Барт использовал для анализа литературной «формы», которая осмысливается им как один из типов социального «письма», пропитанного культурными ценностями и интенциями. Обозначив социолект термином «тип письма», Барт проанализировал его как способ знакового закрепления социокультурных представлений – социолект понимается им как «опредметившаяся в языке идеологическая сетка, которую та или иная группа, класс, социальный институт и т.п. помещает между индивидом и действительностью» [4, с. 14], т.е. «язык» индивида, а вместе с ним и вся система ценностно-смыслового отношения к действительности, заимствуется из социолектов, выработанных различными социальными группами за все время существования общества. Таким образом, Барт увидел в феномене социолекта («письма»)

общественный механизм социального принуждения, который может быть «разоблачен» средствами коннотативной семиотики.

Косиков Г.К. считает, что идеология и механизм денотации-коннотации принадлежат к разным категориальным областям, хотя и пересекающимся, т.к. лингвистическая коннотация соотносится не с понятием «идеология», а с понятием языковой *нормы*, представляющей собой нейтральную (денотативную) номинацию предметов («квартира»), по отношению к которой некоторые употребления («флэт», «вписка» и т.п.) обладают маркированностью. Он уточняет выявленную Р. Бартом связь между идеологией и коннотацией: в силу конвенциональной природы лингвистических знаков любое денотативное употребление вытекает из соответствующего социального договора данного языкового коллектива о «денотативном» значении, который становится нейтральным *узусом*, «привычностью» которого постепенно начинает восприниматься как «нормальность», затем как «естественность», «природность» и, стало быть, «истинность». Следовательно, в основе натурализации лежит механизм подмены «узуальности» «истинностью», функция которого в том и состоит, чтобы подменить «идеологичность» «натуральностью»: «заглатывая «невинную» по виду наживку денотативной «нейтральности», этот потребитель, сам того не замечая, проглатывает и крючок идеологических смыслов» [6, с. 15], т.к. культурный код, будучи фрагментом идеологии, «претворяет свое классовое происхождение в некую естественную референцию» [9, с. 106].

Таким образом, если идеология – это коллективно вырабатываемая ценностно-смысловая сетка, а социолект – это опредметившаяся в языке идеологическая сетка, следовательно, исследование коннотативных значений в языке субкультуры, как социолекте или типе «письма», позволяет выявить ценностные предпочтения данной субкультуры. Механизм «натурализации» объясняет не только влияние молодежного субъязыка на современный язык, но и становится механизмом влияния ценностно-смыслового пространства молодежной субкультуры на ценности современного общества. Субъязык молодежной субкультуры является культурным кодом, и поэтому его можно рассматривать в контексте моделирования ценностного пространства субкультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтина М.Б.* Эмотивно-оценочная картина мира современной молодежи (на материале жаргонной лексики конца XX-начала XXI вв.): Автореферат дисс... кандидата филологических наук: 10.02.01. Абакан, 2011.
2. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998.
3. *Библиева О.В.* Лингвокультурологические особенности репрезентации языка молодежной культуры в средствах массовой информации: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии: 24.00.01. Кемерово, 2008.
4. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
5. *Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике // Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
6. *Косиков Г.К.* Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. S/Z. М., 2001.
7. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
8. *Барт Р.* Основы семиологии // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М., 2000.
9. Барт Р. S/Z. М., 2001.

LITERATURE

1. *Bakhtin M.* Appraisal of emotion-world picture of modern youth (based on the slang vocabulary of the end of the beginning of XX-XXI centuries.): Thesis Abstract ... Candidate of Philology: 10.02.01. Abakan, 2011.
2. *Lotman Y.M.* The structure of a literary text // Yuri Lotman About art. St. Petersburg., 1998.
3. *Biblijeva O.* Lingvoculturological particular representation of the language of youth culture in the media: Thesis for the degree of cultural science: 24.00.01. Kemerovo, 2008.
4. *Bart R.* Selected Works: Semiotics. Poetics. M., 1989.

5. *Lotman Y.M.* Lectures on structuralist poetics // Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School. M., 1994.
6. *Kosikov G.K.* Ideology. Connotation. Text // Bart R. S / Z. M., 2001.
7. *Telia V.N.* Connotative aspect of the semantics of nominative units. M., 1986.
8. *Bart R.* Fundamentals of semiology // French semiotics. From structuralism to post-structuralism. M., 2000.
9. *Bart R. S / Z. M.*, 2001.

Педагогический институт

Южного федерального университета

17 мая 2012 г.
